

ИНТЕРВЬЮ С ОЛЬГой ЭРНЕСТОВНОЙ БЕССОНОВОЙ

Кто Вы по профессии: социолог или экономист?

По образованию — я экономист-математик, по двум диссертациям — экономсоциолог. Являюсь специалистом и в экономике, и в социологии, и в экономической истории. Не ограничиваю себя рамками отдельной предметной дисциплины. Смотрю на вещи системно, целостно и в динамике.

Чем были вызваны Ваши выбор и Ваши приоритеты в профессиональной работе, Ваше увлечение наукой?

Я не стояла перед выбором, поскольку хотела заниматься только наукой, и наукой общественной.

Кто Вы как ученый и каков был Ваш путь в науке?

Для меня наука — это открытия, я не приемлю рутину и повторы, переказы чужого. Мне интересно только новое, куда еще «не ступала нога человека», поэтому мои исследования часто опережают время.

Какие наиболее важные научные разработки в области экономики и социологии принадлежат Вам? Расскажите подробнее об этом.

Я выделяю три крупных этапа. В 1980-е гг. была сформулирована теория жилищных систем, где были исследованы раздаточные механизмы в жилищной сфере и феномен бесплатного жилья. В 1990-е гг. объект исследования расширился до экономической системы, а системный подход обогатился институционализмом, результатом стала институциональная теория раздаточной экономики. Дальнейшее развитие методологии привело к разработке

общей теории институциональных трансформаций. Результаты каждого этапа логически связаны, а все три этапа — это, фактически, работа над институционально-интегральной парадигмой цивилизационного развития.

Какая сфера профессиональной деятельности для Вас приоритетна: исследовательская, организационная или общественная?

Периоды глубинного погружения сменялись периодами внешней активности — предъявлением результатов и защитами диссертаций. Соответственно, моя научная жизнь несколько раз переходила от углубленной индивидуальной работы к многочисленным контактам, преподаванию, коллективным проектам. Сейчас идет очередной «публичный» этап.

Что наиболее интересно для Вас как исследователя: какая проблематика, какие методы, какие стратегии?

Мне интересно вскрывать причины тех или иных феноменов, отвечать на вопросы — КАК и ПОЧЕМУ. А чтобы объяснить — надо концептуализировать и на локальных уровнях, и на глобальном. Однако я не приемлю абстрактное теоретизирование, так называемое «философствование». Конкретное, доскональное знание изучаемого объекта является необходимым условием создания адекватной теории. Моя стратегия состоит в создании такой методологии, которая с равной эффективностью позволит анализировать процессы как на макро-, так и на микроуровнях.

Что значит для Вас работа в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭОПП СО РАН)?

Институт для меня — базовое место работы с высоким уровнем творческой свободы. Несмотря на «невписываемость» моей теории в текущие планы института, никто никогда не ограничивал меня. Сейчас я руководитель одного из фундаментальных проектов СО РАН. Институт пережил несколько трансформаций вместе со страной. Завершаются очередные перемены — к руководству отделов приходят инновационно мыслящие кадры. Все они учились со мной на экономическом факультете Новосибирского государственного университета в тот период, когда там еще преподавали Аганбегян, Заславская, Гранберг.

Какое положение занимает Ваш институт (ИЭОПП СО РАН), где Вы работаете, в Российской академии наук, среди других научных и исследовательских учреждений РФ?

ИЭОПП — уникальный научный организм, он сочетает в себе всю палитру экономических исследований, дополняя ее широким спектром социологических, при этом фундаментальные теоретические разработки соседствуют с конкретными эмпирическими проектами. Широк набор используемых методов — как экономических, так и социологических. Это и является основой междисциплинарного синтеза.

Как Вам видится развитие рынка научных заказов? Какую нишу в нем занимает Ваш институт? Как он в буквальном смысле слова выживает в новых рыночных условиях?

Заказы занимают значительную долю как в целом для Института, так и для каждого конкретного исследователя. Более того, мне кажется, что большинство сотрудников перегружены внешними заказами, поэтому уровень их исполнения недостаточно глубокий.

Существует ли конкуренция между научными государственными и негосударственными учреждениями в сфере исследований, и насколько она способствует приросту научного знания?

По моему опыту, большинство работ негосударственных учреждений к научным исследованиям отнести никак нельзя, качество их крайне низкое.

Участвует ли Ваш институт в реализации каких-либо образовательных программ? Означает ли эта практика постепенное вхождение академических учреждений в систему образования и таким образом слияние науки и системы образования или это временный период?

Наш Институт, как и все Институты Академгородка, неотделимы от соответствующих факультетов Новосибирского государственного университета. Таков был изначальный проект создателя Сибирского отделения академика Лаврентьева. Например, отдел социальных проблем, где я работаю, неразрывно связан с кафедрой социологии, практически все читают курсы, ведут дипломников, имеют аспирантов. В прошлом году я прочла новый спецкурс для магистрантов 2-го года обучения «Институциональное развитие российской цивилизации».

Получает ли Ваш институт и сектор государственные заказы от федеральных и региональных органов власти и управления. Насколько значима роль такого рода заказных проектов для Института?

Главный госзаказ для нашего Института — это Федеральная целевая программа «СИБИРЬ». Она была центральным заказом еще при Аганбегяне. Это «стержень» наших научных изысканий и преломления их на практике. Достаточно много заказов от региональных властей по разным отраслям. В частности, я принимала участие в эксперименте ЖКХ на уровне г. Новосибирска в качестве эксперта в течение трех лет.

Каковы связи между экономикой, экономической социологией и социологией? Если да, то в чем они выражаются и каков смысл их отдельного развития в современной науке?

Разница между указанными науками — в методологии исследования, т. е. в подходах и видении общества. Смысл их отдельного существования — в дальнейшей отработке своих методических и методологических арсеналов. Однако важно и наличие интегрального видения, которое содержится в макроториях и парадигмах. В настоящее время эти науки разъединены

парадигмально, а это, как мне представляется, и есть преддверие научной революции, хотя и не осознаваемой большинством ученых. Идет достаточно ожесточенная полемика между этими науками с попытками утвердить свой подход к познанию общества в качестве универсального. Сейчас общественная наука должна выйти в синкретическую стадию, свести воедино уже полученные результаты и соединить «разорванную» ткань отдельных наук посредством качественно новой парадигмы. Эта новая парадигма, осуществив междисциплинарный синтез, поднимет методологическую планку над этими научными дисциплинами, добавив к ним историю, политологию и другие общественные науки.

Как бы Вы охарактеризовали ситуацию в социологии и научной экономике в России и за рубежом?

Мировая и российская наука находится в ситуации смены парадигмы и понятийной рамки, перехода к новой картине мира. К примеру, группа французских институционалистов (Ален Кайе, Робер Буайе и др.) изложила свой Манифест создания «институциональной политэкономии» (см. Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. С. 17–24). Хочу обратить внимание на то, что базовые постулаты этого Манифеста аналогичны принципам интегрально-институциональной парадигмы цивилизационного развития. Фактически, теоретическое развитие идет в одном направлении независимо друг от друга.

В последнее время активно разворачивается дискуссия об общественной роли социологии. В чем, с Вашей точки зрения, проявляется специфика профессиональной и публичной социологии в России?

Социология для общества — это рационализация сигналов обратных связей, упорядочение по напряженности проблемных зон, выработка социальных технологий. И, в конечном счете, оформление национальной идеологии, т. е. базовых идей, интегрирующих общество в единое целое. Задача современного этапа развития социологии — предложить обществу такой набор идей, который адекватно описывает и объясняет реальность, дает новый исследовательский импульс и операционализирует его для всех интеллектуальных уровней — от глубокого философского до бытового и школьного.

Существуют ли в России самостоятельные научные школы в экономике и социологии? Если да, то что они собой представляют?

Поскольку «старая» парадигма и картина мира выработали свой потенциал, то вместе с ней исчезают и научные школы. Мы наблюдаем процесс их «растворения» и перехода в новое качество. Сейчас, на мой взгляд, это позитивный процесс, поскольку необходим совместный мозговой штурм всей научной элиты. Научные школы зачастую выстраивают методологические препоны между собой и остальным исследовательским миром. Поэтому естественный процесс разрушения старых школ позволяет всем вместе обсуждать новые идеи, проводить их экспертизу. Это уникальный этап развития науки как в России, так и в мире.

Насколько изменилось положение в социологии в России с 1989 года?

Положение социологии изменилось радикально, и это прежде всего связано с колоссальным объемом информации. Западная цивилизация постепенно наращивала свой интеллектуальный багаж, и вот теперь, всего за десять лет, наша общественная наука поглощает этот продукт. И зачастую «на гора» выдаются «непереваренные фрагменты». Однако это те минусы, которые не перекрывают главное достижение этого периода — можно сопоставить свои результаты с мировыми, и не мучиться вопросом «а не изобретен ли велосипед?»

Как Вы оцениваете уровень современного социологического образования за рубежом и в России?

Уровень образования можно оценить только по делам образованных. Пройдет с десяток лет, и мы это увидим. Дело же не в объеме выученной информации, а опять-таки в системном видении и интегральном подходе к предмету. Будут открытия, будут заметные достижения — это и есть оценка. Есть вещи, которые нельзя оценивать прямолинейно. Это в первую очередь относится к образованию. Ведь знания, по меткому выражению, — это то, что осталось, когда все уже забыто.

Способствовали и способствуют ли академические разработки в экономике, экономической социологии и социологии решению ключевых проблем российского общества в 1970–1980-х гг. и в настоящее время?

Безусловно. Более того, наука в тех организационных формах, которая существовала в СССР, была одной из форм сигналов обратной связи. Наука делилась на академическую и отраслевую. Отраслевые институты разрабатывали нормативную базу и выявляли проблемы развития отраслей, а фундаментальная наука отслеживала макро- и микропропорции в народном хозяйстве. В настоящее время эти функции науки — сигнальной системы и генерирования методов решения проблем — сохраняются. Однако формы поменялись — на смену отраслевых институтов пришли разнообразные центры экспертиз, управленческого проектирования, фонды развития и т. д. и т. п. Они обеспечивают аккумуляцию институциональных жалоб, проблематизируют их и переводят в проектно-управленческие действия. Академическая наука в настоящее время практически полностью сменила методический и методологический арсеналы, получив доступ к общемировому интеллектуальному продукту, и вплотную подошла к выработке конвенциональной общей теории.

Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1980 года в Советском Союзе?

1980-е гг. — это фаза институционального исчерпания согласно моей теории раздаточной экономики. Этот период характеризуется институциональным кризисом — институты раздаточной экономики советского типа устарели, их заменяли стихийно разрастающиеся теневые формы рыночного типа. Однако официальная «атмосфера» все еще была наполнена демагогией.

Именно в 1980-е гг. проявилось то, как лжеидеология может блокировать эффективное развитие экономики.

Что это был за период для Вас лично? Насколько значим этот период в вашей профессиональной деятельности?

В этот период начиналась моя профессиональная деятельность после окончания НГУ. Мой диплом был посвящен квартплате, хотя на ее изучение было наложено «табу», и потому он подавался как экспериментальная работа. Это было время вхождения в Новосибирскую экономико-социологическую школу. От Т.И. Заславской я получила колоссальный заряд научного «революционирования», когда разворачивались события вокруг Новосибирского манифеста. Именно в этот период я выслушала интенсивный курс методолога Г.П. Щедровицкого, после которого с меня окончательно слетели политэкономические квазимарксистские вериги. И, наконец, именно тогда я сделала свое первое открытие о «феномене бесплатного жилья в СССР», которое и привело меня сначала к теории раздаточной экономики, а затем и к общей теории институциональных трансформаций.

Каково Ваше отношение к периоду перестройки и времени реформ 1990-х годов в постсоветской России?

Этот период относится к трансформационной фазе в развитии раздаточной экономики России. Он достаточно типологичен для нашей истории: три институциональных цикла разделены трансформационными фазами и имеют характерные институциональные механизмы (квазирынка, институциональных инноваций), которые и проявились в 1990-е гг. Трансформационные фазы одинаково значимы для развития, как и все другие фазы. Их предназначение состоит в выработке современных форм для дальнейшего обновления базовых институтов раздатка. Все, что наработано полезного в этот период, не будет потеряно, а принесет новое качество в институциональное развитие страны.

Многие проблемы социально-экономического развития появились в 1980–1990-х годах. Как Вы оцениваете идущие с тех пор процессы формирования рыночной экономики, нового государства и гражданского общества?

Современный период России я оцениваю как «Великую трансформацию» (термин К. Полањи), именно сейчас окончательно умирает тоталитарное прошлое России и осуществляется переход на новый институциональный цикл, в котором при доминировании раздаточных институтов будут использоваться рыночные механизмы, взаимно их дополняющие. Такую Великую трансформацию Запад пережил в первой половине XX в., причем столь же драматично, с кризисами и «охотой на ведьм», с возникновением и последующим купированием фашистской идеологии путем создания идеологии «государства благосостояния». Замечу, что институциональная природа современного социального государства на Западе пос-

троена на синтезе рыночных и раздаточных институтов, но на доминирующей рыночной платформе.

Насколько Ваша концепция раздаточной экономики в состоянии объяснить происходящее и спрогнозировать будущее развитие в российской экономике и, соответственно, в российском обществе?

Концепция раздаточной экономики стала основой интегрально-институциональной парадигмы цивилизационного развития, которая, как мне кажется, способна адекватно объяснить реальность качественно новым способом, и с ее «высоты» отчетливо видится перспектива. Будущее развитие состоит в переходе к интегральной формации, которая строится на синтезе рыночных и раздаточных институтов. Однако интегральная формация — это не коммунизм, и не означает отсутствия проблем и построения рая на земле. Просто способ их решения кардинально изменится — за счет информационных технологий любая частная проблема будет оцениваться через призму целого, повышая общую эффективность использования ресурсов. Интегральная формация позволит найти сочетание глобального и локальных оптимумов, будут преодолены глубокие институциональные циклы, а их место займут относительно мелкие колебания, связанные с оптимизацией институциональной системы и поиском институционального равновесия.

Каков Ваш социологический и социально-экономический диагноз нашего времени?

С 1991 по 2000 г. продолжалась третья трансформационная фаза, а в 2008 г. закончилась очередная перинатальная фаза. Сейчас Россия вступила в структурированную фазу нового гиперцикла на базе экономики либерального раздатка. Раздаточная экономика в новых формах будет развиваться на служебных контрактах и в солидарности с адекватными ей рыночными механизмами. Начала формироваться и новая идеология на базе концепций: «социального государства», зависимости от предшествующего развития «path dependence», открытого информационно-технологического общества. Соответственно, выстраивается и новая политическая система, которую я называю в рамках общей теории «демосударством». Демократия в чистом концептуальном виде не существует в реальности, как и коммунизм. Западные страны также являются демосударственными и выработали собственные разнообразные формы разделения властей, принципов выборности и сменяемости. Наша задача — найти свою эффективную форму современной политической системы.

Ваше теоретическое кредо?

Истина рождается как ересь, умирает как банальность.

Что мешает и что помогает Вам в научной работе?

Путь теоретика связан с объективными трудностями. Как известно, сначала реакция общества на новые идеи достаточно жесткая: «этого не может

быть никогда», а в конечной стадии освоения идеи уже говорят: «а кто этого не знает?» Все это я испытала на собственном опыте. Мой оптимизм связан с тем фактом, что критика новых идей сопровождалась одновременным признанием предыдущих. Сейчас главная сложность для меня — это включение части моих идей в «теорию институциональных матриц», которая эклектически, я бы даже сказала — механически, соединила также институциональные достижения Норта и Поланьи со старой парадигмой «Запад–Восток». На основе этой компиляции делается прогноз о якобы «унитарном» — недемократическом будущем России. И всему виной оказывается раздаточная экономика. А это абсолютно неверная трактовка теории раздаточной экономики. Но именно она распространилась в понимании научного сообщества.

Ваше хобби?

Гимнастика ЦИ–ГУН и восточные техники психосоматической регуляции.

Ваши научные планы и намерения?

«Есть время разбрасывать камни и время их собирать». Сейчас важно осуществить «обкатку» парадигмальных идей, обсудить их с разными научными школами и выстроить дальнейшую исследовательскую программу. В начале октября по инициативе академика Ю.С. Пивоварова во вновь созданном «Центре Россиеведения» ИНИОН РАН планируется мой большой доклад с заранее розданным текстом для углубленной экспертизы разными специалистами. Намечается Интернет-конференция в виртуальной мастерской доктора экономических наук Р.М. Нуреева для широкого обсуждения новой теории и сопоставления ее прогнозов относительно будущего развития России с другими вариантами. Опубликована дискуссия в журнале «Мир России», в последнем номере которого Ю. Латов представил детальный разбор интегрально-институциональной парадигмы цивилизационного развития.

Какие проблемы и темы привлекают Ваше внимание в начале XXI столетия?

Выстраивание нового общественного мировоззрения на базе институционально-интегральной парадигмы цивилизационного развития — стратегическое направление, над конкретными формами реализации которого я работаю в настоящее время. Об этом я написала статью в Независимую газету «Переход к новой картине мира — как вызов для российских интеллектуалов» (21.03.2008). Стержень этого мировоззрения состоит в том, что мир един — в пространстве глобальной цивилизационной матрицы; дуален — на уровне рыночной и раздаточной экономик и в то же время многообразен благодаря огромному числу рыночных и раздаточных форм и их сочетанию в экономических системах разных стран. Что доминирование рыночного или раздаточного типа экономики — это не происки врагов (кому-то не нравится рынок, кому-то раздаток), а объективная экономическая природа. И что самое важное — раздаток на определенном этапе своего развития, как и рынок, создает условия перехода к демократическим институтам.

Краткая библиография Ольги Эрнестовны Бессоновой

Родилась 17 октября 1958 г. в г. Новосибирске.

В 1975–1980 гг. училась в Новосибирском государственном университете на факультете экономической кибернетики (специальность — экономист-математик).

В 1980 г. начала работу в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН в качестве стажера-исследователя.

В 1984–1988 гг. училась в аспирантуре по специальности экономическая социология.

В 1991 г. защитила кандидатскую диссертацию «Генезис, сущность и контуры реформы советской жилищной системы» (научный руководитель — академик Т.И. Заславская).

В 1992–1995 гг. — докторантура и защита докторской диссертации в 1999 г. «Институциональная теория хозяйственного развития России» (специальность — экономическая социология).

С 1996 г. по настоящее время работаю ведущим научным сотрудником Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Основные исследовательские проекты

Проект Интерцентра (Москва) «Развитие и взаимодействие раздаточных и рыночных отношений». 1993–1994 (руководитель проекта).

Социально-экономический мониторинг внедрения частных компаний в жилищно-коммунальном хозяйстве (Агентство международного развития, фирма ПАДКО, региональные органы власти). 1992–1996 (руководитель проекта).

Коллективный проект «Исследования Новосибирской экономико-социологической школы». Гранты РФФИ (1996–1999, 2005–2008) (соруководитель проекта).

Федеральная целевая программа «Сибирь». Социальный раздел. (1996–1997, 2002–2005) (ответственный исполнитель).

Динамика институциональной и социальной структуры, развитие человеческого потенциала. Программа приоритетных направлений (2006–2008) (соруководитель проекта).

Основные публикации

Монографии

Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск, 2007. 123 с.

Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006. 144 с. (Россия. В поисках себя...).

Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999. 152 с.

Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997. 76 с.

Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск, 1996. 312 с. (в соавт. с С.Г. Кирдиной, Р. О'Салливан).

Жилье: рынок и раздача / Отв. ред. Т.И. Заславская. Новосибирск, 1993. 159 с.

Статьи

Вектор институционального развития России: от квазирынка к либеральному раздатку [Электронный ресурс] // *Экономическая социология*. 2008. Т. 9. № 2. С. 15–28. Режим доступа [24.04.2008]: http://www.ecsoc.msses.ru/data/329/589/1234/3ecsoc_t9_n2.pdf

Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России // *Мир России: социология, этнология*. 2008. Т. XVII. № 2. С. 108–138.

Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России // *Социологические исследования*. 2008. № 1. С. 13–23.

Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы // *Экономическая наука современной России*. 2007. № 2 (37). С. 23–33.

Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 130–142.

Институциональная теория хозяйственного развития России // *Свободная мысль-XXI*. 2000. № 1 (1491). С. 95–103.

Теория раздаточной экономики — новый взгляд на хозяйственное развитие России // *Общество и экономика*. 1998. № 8–9. С. 241–255.

Раздаточная экономика в ретроспективе // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4. С. 85–100.

Раздаточная экономика как российская традиция // Там же. 1994. № 3. С. 37–48.

Раздаток как нерыночная система / *Известия СО РАН. Серия: Регион: экономика и социология*. 1993. Вып. 1. С. 29–41.

Механизм обеспечения жильем в СССР // *Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа: Сб. / Ред.-сост. Ф.М. Бородкин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. М., 1989. С. 289–298. (Перестройка: гласность, демократия, социализм.)*

Феномен бесплатного жилья в СССР // *Известия СО АН СССР. Серия: Экономика и прикладная социология*. 1988. № 7. Вып. 3. С. 43–49.

К вопросу о квартирной плате в СССР (на примере Новосибирска) // Там же. 1985. № 1. Вып. 1. С. 55–62.